прежде чем принять приглашение участвовать как драматург и критик в новосоздаваемом Национальном театре. Таким образом, Лессинга можно было застать в прусской столице лишь осенью — с каких-то чисел сентября по начало декабря. Затем он отсутствовал там до 1770 г., находясь в Гамбурге. Если нам известно, что 5(16) ноября 1766 г. Дмитревский уже выступил на петербургской сцене,[6] то, отводя недели полторы или две на дорогу из Пруссии, можно считать первую половину или середину октября тем временем, когда встреча Дмитревского с Лессингом могла быть наиболее вероятной.

Попробуем теперь извлечь из записи Лессинга как можно больше информации. Где он мог познакомиться с Дмитревским? Теоретически это могло произойти у него дома, среди гор книг, которые он накупил в Бреславле и потом продавал, нуждаясь в деньгах, или у его друзей — в издательстве Николаи, или в доме Мендельсона, жена которого Фромет создала некий прообраз будущих берлинских литературных салонов. Дмитревский вполне мог туда попасть в качестве путешествующего иностранца в сопровождении кого-нибудь из театральной братии. Но это все были места, небезразличные Лессингу, и, как кажется, он непременно отметил бы: «пришел ко мне» или «у Мендельсона», «у Николаи». В нашем случае это, скорее всего, было место более или менее нейтральное, общественное — одна из берлинских ресторацій, где собирались литераторы и актеры, или королевский театр. Именно в театре как месте одинаково притягательном для обоих и в то же время месте «для всех» могли встретиться и поговорить немецкий драматург и заезжий придворный актер. Может быть, тридцатилетний Дмитревский был представлен тридцативосьмилетнему Лессингу русским посланником в Пруссии, князем Владимиром Сергеевичем Долгоруким (Долгоруковым, 1720—1803), с которым Дмитревский вскоре отправится домой и который был, вероятно, знаком Лессингу, так как тот не считает нужным пояснять в записке для памяти, что это за князь. Встреча была единственной и беседа краткой (как это и бывает во время театральных антрактов) — это видно из того, что Лессинг воспринимает фамилию Дмитревского на слух (в непривычном для немецкого уха сочетании согласных «дм» ему слышится только второй звук), и потом уже не было ни времени, ни случая переспросить и уточнить, как пишется фамилия нового русского знакомца.

Лессинг, должно быть, больше спрашивал, Дмитревский отвечал, — что путешествует по соизволению Екатерины II, что едет на родину, что видел то-то и то-то в парижском и европейском театральном мире. Может быть, он что-то говорил и о российском

---

[6] См : *Всеволодский-Гернгросс В Н* Иван Афанасьевич Дмитревский: Очерк из истории русского театра. Берлин, 1923. С. 26.